

Региональный институт управления
ул. Студенческая, 19, Ханты-Мансийск, 628012, Россия
E-mail: lihman04@ngs.ru

КЛАССИЧЕСКИЙ И НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Конфликт между классическим и неклассическим направлениями в социально-культурных исследованиях в значительной мере обусловлен приверженностью представителей этих направлений к научной терминологии, сформировавшейся в рамках разных научных школ. В конкретных социально-культурных исследованиях оба подхода служат ориентирами для выработки исследовательской стратегии, нацеленной на получение позитивного знания о социально-культурной реальности.

Ключевые слова: классический идеал знания, неклассический идеал знания, идентичность, социально-культурная реальность, социально-культурная общность, социальная группа, раса, этнос, нация, цивилизация.

Являются ли социально-культурные общности (этноты, нации, цивилизации) *реальными объектами* социальной действительности? Или же они представляют собой *идеальные объекты* – результат конструирования в сознании исследователя теоретических моделей, служащих инструментом более глубокого постижения социальной действительности? А может быть, мы употребляем эти понятия для обозначения разных объектов – как реальных, так и идеальных? Тогда возникает вопрос об отношении, в каком находятся «социально-культурные общности» как *реальные объекты* к «социально-культурным общностям» – как *идеальным объектам*?

Классический (сциентистский) подход к изучению общества строился на философско-методологической основе естественных наук, сложившейся в XIX в. Для сциентистского подхода были характерны, во-первых, «естественная установка», согласно которой субъект воспринимает мир как *объективную действительность*, доступную научно-рациональному познанию, а во-вторых, тенденция не различать реальный объект и его познавательную модель. Субъективное восприятие объектов внешнего мира ученый XIX в. склонен был рассматривать как наличествующее в физической или социальной реальности (т. е. как *реальность*), а свое научное описание или объяснение объектов

и процессов внешнего мира – как точное их *отображение* в «зеркале разума». Таким образом, для сциентистской установки характерно (как тенденция) отождествлять в духе Парменида мышление и бытие, не различать мысль и предмет мысли.

С позиций классического подхода все виды социальных и социально-культурных общностей рассматриваются как *реальные объекты* социальной действительности, аналогично объектам физического мира, т. е. как *предметные* объекты. Такое видение исторически складывалось под влиянием органицистских идей – первой (сциентистской) научной модели, уподоблявшей общество биологическому организму. Вначале эта аналогия была достаточно грубой и опиралась на четко выраженную вертикальную классово-сословную структуру феодального и раннекапиталистического обществ. В рамках этой аналогии в обществе видели *совокупную личность*, или «искусственного человека», составленного из отдельных «органов», каковыми являлись группы людей, «сопоставимые со сходными частями или мускулами естественного тела» [Гоббс, 2001. С. 155].

Позднее, в XIX в., под влиянием успехов биологии, в особенности под влиянием эволюционизма, поверхностные представления о внешнем сходстве человеческой личности и коллективной личности (обществе) сме-

нились более глубоким пониманием их сходства как развивающихся сложных систем. Самовоспроизводимость, функциональная структурированность и целостность социальных организмов как *реальных объектов* социальной действительности (социальных и социокультурных общностей разных типов) – являются «краеугольным камнем» классического идеала знания в области социальных наук. Сциентистски ориентированная мысль видит в обществе, прежде всего, социальные и социокультурные *группы*, существующие объективно, т. е. трансцендентные сознанию исследователя. Конечно, уже на ранних этапах развития социально-философской мысли было ясно, что социальные группы не имеют четких границ, что их целостность и устойчивость *в рамках одной и той же социально-культурной общности* относительны. Социальные группы могут возникать и распадаться, члены одной социальной группы, как правило, входят одновременно и в другие, нередко в разные, социальные группы.

Восприятие общества как непрерывного «бурления», сопровождающегося процессами образования и распада, смешивания и разделения внутри единого «социально-культурного анклава» подталкивало ученых к необходимости более четко выявить онтологический статус «объектов» научного анализа – «социальных групп», «социальных общностей» и пр. Но долгое время социально-философская мысль не могла вырваться из лингвистической ловушки (выражение Л. Витгенштейна), за каждым *существительным* стремясь разглядеть отдельную метафизическую *сущность*. Сциентистский поход проявлял тенденцию редуцировать социальную структуру к совокупности социальных общностей, как «неких онтологически значимых «субъектов» исторического действия», наделяя их при этом «таким же онтологическим статусом, что и «вещи», существующие вне и независимо от нашего сознания» [Качанов, Шматко, 1996. С. 90].

Разрушение сциентистской парадигмы и начало формирования нового, неклассического идеала знания в области общественных наук традиционно связывают с неокантианским направлением социально-философской мысли и, в первую очередь, с «понимающей социологией» и концепцией идеальных типов М. Вебера. Надо, впрочем,

заметить, что концепция идеальных типов отнюдь не противоречит сциентистскому представлению о социальных общностях как реальных объектах социальной действительности. Главная заслуга М. Вебера состояла в том, что после его работ смешение объекта исследования с его познавательной моделью сделалось невозможным, а те концепции, авторы которых не различают объект и модель объекта, навсегда утратили статус научных. Но противопоставление объекта исследования его познавательной модели, хоть и разрушает представление об их тождественности, еще не разрушает веру в реальность самого объекта исследования. В этом смысле веберовская концепция идеальных типов целиком укладывалась в рамки классического идеала знания. Новая же, неклассическая парадигма научного знания в области общественных наук вырабатывалась, в первую очередь, под влиянием идей символического интеракционизма и феноменологии.

Школа символического интеракционизма сдвинула исследовательский интерес от социальных общностей к социальным *взаимодействиям*, в результате чего исчез метафизический «привкус» понятий «социальная общность» и «социальная группа». Они, можно сказать, «развоплотились» как метафизические сущности, утратили в какой-то мере статус *реальных объектов* социальной действительности. Научный анализ от макро- и микроструктур социальной действительности дошел до ее *атомарной* структуры, до тех объектов, за которыми он только и сохранил статус *реальных* – т. е. до индивида и форм его социального взаимодействия. Общности как элементы социальной структуры были редуцированы к этим объектам, а социальную структуру начали репрезентировать как сетку социальных статусов, образующих социальное пространство, и набора ролей, соответствующих каждому статусу.

С точки зрения представителей феноменологического направления в социологии, реальность, как таковая, реальность, как *объективная действительность*, не может быть предметом научного исследования. Все «объекты», с которыми оперирует научная мысль, есть объекты *интенциональные*, имманентные сознанию исследователя, независимо от того – являются они результатом перцепции, либо результатом интел-

лектуальной деятельности. Их невозможно сопоставить с другим «слоем» объектов, образующих реальность, трансцендентную сознанию исследователя, а то, что мы называем социальной реальностью – есть продукт *конструирования* в сознании людей *представлений* о социальной реальности. Иначе говоря, нет единой реальности, общей для всех людей, а есть *множество реальностей*, которые «рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися» [Бергер, Лукман, 1995. С. 11]. Подчеркивая относительный (интерсубъективный) характер социальной реальности, ученые феноменологической школы сосредоточили усилия на изучении механизмов *конструирования* социальной реальности *в сознании* людей.

Надо заметить, что интеракционистский и феноменологический подходы оказались достаточно близки в конечных выводах: и тот и другой внесли вклад в «развоплощение» метафизических сущностей, таких как социальные общности и группы. Но оставались еще два класса объектов, казалось, не подвластных деконструкции методами феноменологического или интеракционистского анализа. Это социобиологические общности (расы) и социокультурные общности (этносы, нации, цивилизации). Индивидуальная комбинаторика расовых черт, очевидно, принадлежит миру объектов, ее нельзя произвольно «сконструировать» или «вообразить». И точно так же мы не в силах произвольно менять свою принадлежность к той или иной социокультурной общности. Предположим, я говорю только на русском языке. В принципе я могу *вообразить* себя кем угодно – евреем, эскимосом, эльфом, инопланетянином. Я могу изменить свои привычки, свою одежду, но я не могу *простым актом воли* перестать говорить и думать на русском языке. Иначе говоря, мой волевой акт *наталкивается* внутри моего сознания на *препятствие*, которое я не «вообразил», не «придумал» и которое я не могу устранить или изменить *в любой момент времени*. А ведь язык – не единственное препятствие. Формы поведения и мышления, социальные установки, ценности, верования, комплекс культурных стереотипов и знаний, короче говоря, все то, что включают в понятие «ментальность», – разве не являются они таким же *объективным* основани-

ем моей этнической или цивилизационной идентичности, как язык?

Благодаря наличию этих объективных границ, пересечь которые либо нельзя в принципе (например, поменять генотип), либо крайне затруднительно (в случае смены этнической или цивилизационной идентичности), социобиологические и социокультурные общности *выглядят* значительно более реальными объектами социальной действительности, чем социальные общности. Вот почему разделение человечества на расы и народы казалось тем последним бастионом сциентизма, который вначале осадил, а затем штурмом взяли представители неклассического идеала знания в XX в.

Легче и раньше всего были преодолены стереотипы в отношении рас, как социобиологических общностей. Современные исследования в области генетики человека, выявившие более тесное, чем ожидалось, родство ныне живущих людей между собой, лишь подтвердили выводы антропологов, давно отказавшихся от расовой классификации. Человечество не делится на три, пять или другое число рас, а представляет собой *единый видовой континуум* без четких границ между расово-антропологическими типами. Сегодня легко можно представить общество, в котором люди не фиксируют внимание на цвете кожи или разрезе глаз представителей другого антропологического типа иначе и больше, чем они фиксируют его на индивидуальных особенностях внешности представителей своего антропологического типа. Это не значит, что антропологическое разнообразие людей «исчезает». Оно остается, просто сознание людей фиксирует его как *индивидуально-значимое*, а не как социально-значимое.

В последней четверти XX в. большое влияние в зарубежной социальной антропологии получил конструктивистский подход к изучению феноменов этничности и этногенеза (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Р. Брубейкер). Конструктивисты относят расы, этносы, нации к «воображаемому сообществу», подчеркивая тем *субъективный* характер восприятия людьми их идентичности. «Воображаемые сообщества» не рассматриваются некоторыми из них как *реальные объекты* социальной действительности. Как пишет известный современный представитель этого направления Р. Брубейкер, «эт-

ничность, раса и национальность реальны не как бытие (*entities*) социальной группы, а как реальность идиом, идеологий, нарративов, систем классификации». [Попков, Топорков, 2006. С. 90]. Другими словами, люди лишь *воображают* себя членами той или иной общности (расы, этноса, нации), которая *объективно, в действительности*, т. е. вне их субъективных представлений, не существует.

Последнее утверждение может восприниматься нами как банальность: в том смысле, что все, относимое к сфере культуры и социальных отношений, в конечном счете, *воображается* в головах людей. Я воображаю, что мой начальник по работе является моим начальником по работе и поэтому он вправе мною командовать, а я должен ему подчиняться. Мой начальник по работе воображает, что я его подчиненный и что он может мною командовать, а я должен ему подчиняться. И *поэтому* он мною «в действительности» командует, а я «в действительности» ему подчиняюсь. Это выглядит тривиально, однако если то же самое утверждение подвергнуть философскому анализу, мы столкнемся с проблемой онтологического статуса «воображаемого», с необходимостью концептуализировать «действительность» и выявить отношение, в каком «действительность» находится к «воображаемому». Иными словами, нам придется распутать «гордиев узел» субъективного и объективного – одну их основных методологических проблем социально-культурных исследований.

Пафос когнитивной установки неклассического идеала знания, собственно говоря, и был направлен к тому, чтобы найти твердые основания *позитивного знания* о социально-культурной действительности, освободив его от пережитков «метафизической эпохи» в развитии общественных наук. Именно с этой точки зрения представители неклассической науки подвергли критике *практику употребления* в научной литературе таких терминов, как «раса», «этнос», «нация», «цивилизация». В первую очередь, они потребовали четко определить: что обозначают эти термины? Обозначают они *сущности* или *модели*? Примордиалистская точка зрения, согласно которой данные термины обозначают сущности, т. е. *реальные объекты* социально-культурной действительности, выглядит архаично даже с позиций класси-

ческой науки, являясь пережитком ее доверберовского периода развития. Если же данные термины используются для обозначения *когнитивных моделей* постижения социально-культурной действительности, то какова их *методологическая ценность*? Адекватно ли эти модели описывают социально-культурную действительность и не запутывают ли наше постижение этой действительности, вместо того, чтобы ему способствовать?

Конструктивисты считают эти термины не пригодными для описания расово, этнически или национально окрашенных конфликтов. Обозначение таких конфликтов, как межрасовых, межэтнических, межнациональных или цивилизационных не проясняет, а, наоборот, затрудняет их изучение. Более того, эти термины (взятые в качестве обозначений системно-функциональных моделей соответствующих объектов изучения социально-культурной действительности) затрудняют, по мнению конструктивистов, адекватное научное понимание процессов расогенеза, этногенеза, формирования наций и цивилизаций. По их мнению, термин *этничность*, которым они предлагают заменить термин *этнос*, является более гибким *познавательным инструментом*, улавливающим нюансы этнокультурной специфики на уровне *индивидуального сознания*, тогда как термин «этнос», очевидно, является инструментом более грубым, не обладающим должной степенью «разрешения». «В современной науке – пишет представитель отечественного направления конструктивизма В. А. Тишков, – чаще используется понятие *этничность* как категория, обозначающая существование отличительных идентичностей и складывающихся на их основе групп» [Тишков, 2003. С. 59].

Заметим себе, что речь идет о понятии, о термине, который, по мнению В. А. Тишкова, более подходит для адекватного описания механизма организации культурных различий, чем термин «этнос». Эпатирующее название сборника его статей («Реквием по этносу»), при всей его полемической заостренности, в содержательном смысле говорит не более того, что сказано в приведенной выше цитате. Конструктивисты не отрицают ни того факта, что определенное, исчислимое количество людей в данный момент времени (скажем, в момент переписи) идентифицируют себя с тем или иным этносом, с той или иной нацией, с той или

иной цивилизацией, ни того, что эти люди способны образовывать некие *реальные общности*. Вопрос лишь в терминах и в методологии, с помощью которых мы будем описывать и изучать эти общности. Конструктивисты предлагают для их описания термин «воображаемые сообщества» («imagined community»), в 80-х гг. прошлого века изобретенный Б. Андерсоном. Все достаточно крупные социальные и социально-культурные общности, большинство членов которых не знакомы друг с другом и никогда на протяжении всей своей жизни не вступают в прямое взаимодействие друг с другом, являются воображаемыми.

На наш взгляд, этот термин весьма неудачен, поскольку он до крайности затрудняет субъект-объектный анализ социально-культурной действительности. Каждый раз, употребляя этот термин, приходится разъяснять – в каком смысле мы его употребляем, *кто* и *что* в данном случае воображает. Общность можно назвать воображаемой в том смысле, что она *не существует* в социальной реальности, что она есть *ошибочный* продукт нашего воображения. В таком смысле можно говорить о расах, как о не существующих в реальности биологически замкнутых группах людей. Но о тех же расах можно говорить и в другом смысле. А именно – как о *реальных общностях* людей, *воображающих себя* членами биологически замкнутых групп (рас), объективно наделенных гомогенными культурно-психологическими свойствами.

Острота дискуссии между представителями классической и неклассической науки (достигшая чрезвычайно высокой степени напряженности в отечественном научном дискурсе) обусловлена, в том числе, и тем обстоятельством, что первые говорят о сущностях, тогда как вторые – о терминах, между тем, как и те, так и другие ищут оснований для позитивного знания о социально-культурной реальности. Ошибочно смешивать неклассический подход с крайностями постмодернизма, уже достаточно давно отвергнутыми ввиду их очевидной несовместимости с ценностями рационального научного познания как такового. Разница между классическим и неклассическим подходом к изучению социально-культурной реальности, с нашей точки зрения, заключается в переходе от восприятия этой реальности как мира *инвариантных*, обу-

словленных наследственностью и культурной традицией идентичностей, к восприятию ее как мира быстротекущих, ситуативно-обусловленных, взаимопроницаемых, иерархически соподчиненных и конфликтующих друг с другом идентичностей.

Неклассический подход акцентирует внимание на том факте, что любые идентичности представляют собой *психологические конструкты*, однако не отрицает *реальность* этих конструктов и не считает их в полном смысле слова *произвольными*. Таким образом, классический и неклассический подходы к изучению социально-культурных общностей не столь уж существенно расходятся в их *понимании* (если брать для сравнения ту часть классических исследований, где усвоен веберовский принцип различения объекта исследования и его познавательной модели). Напряженность между ними, в значительной мере, как нам кажется, обусловлена привязанностью представителей обоих направлений к научным терминам, сложившимся в рамках различных школ. Примерами такого рода являются термины «этнос» и «воображаемые сообщества». Знаменитое выражение В. А. Тишкова «реквием по этносу» есть не что иное, как призыв отказаться от *термина*, который, по мнению автора, не годится для адекватного описания социально-культурной реальности, а вовсе не утверждение, будто не существует этнических различий между людьми. И, точно так же, термин «воображаемые сообщества», двусмысленность которого, очевидно, не идет на пользу целям научного постижения социально-культурной реальности, не переводит эти сообщества в статус «фантомов» исследовательского воображения.

Представляется ошибочной и та точка зрения, согласно которой классический и неклассический подходы являются двумя, следующими друг за другом, этапами развития методологии социально-культурных исследований. Другими словами, неклассический подход является более современным и более научным, по сравнению с классическим. Мы видим, что последний, в его развитии поствеберовском варианте, успешно конкурирует с неклассическим подходом (имеющим тенденцию соскальзывать в постмодернистский скептицизм и релятивизм). Помимо того, в конкретных социально-культурных исследованиях оба подхода –

классический и неклассический – могут служить ориентирами для выработки успешных исследовательских стратегий, нацеленных на получение позитивного знания о тех или иных аспектах социально-культурной реальности.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.

Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 90–104.

Попков Ю. В., Топорков В. Т. Этничность реальная или воображаемая: новый конструктивизм // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 88–92.

Тишков В. А. Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.

Материал поступил в редколлегию 30.11.2009

I. V. Likhomanov

CLASSICAL AND NON-CLASSICAL LINES OF SOCIO-CULTURAL RESEARCH

The conflict between the classical and non-classical lines of socio-cultural research is largely caused by commitment of their scholars to scientific terminology developed within different schools of thought. In specific socio-cultural studies the both approaches serve as landmarks for development of a research strategy aimed at gaining positive knowledge about the socio-cultural reality.

Keywords: the classical ideal of knowledge, the non-classical ideal of knowledge, identity, socio-cultural reality, socio-cultural community, social group, race, ethnos, nation, civilization.